

ПРОБЛЕМА ЦЕЛОСТНОГО МИРА

В.П. Торукало, Н.А. Иванько

ПРОБЛЕМА ЦЕЛОСТНОСТИ СОЦИУМА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Аннотация: статья посвящена проблемам сохранения устойчивости современного социума. Авторы показывают, что социокультурная нестабильность является результатом распространения культурных моделей, ценностных систем, представляемых как общезначимых в рамках единого мирового информационно-коммуникационного поля. Вызовы глобализации может принять только государство, способное обеспечить эффективное управление и социальную справедливость.

Ключевые слова: философия, социокультурная реальность, социальная система, развитие, уни-версализация, нестабильность, государство, цивилизация, экология, глобализация.

В условиях нарастания кризисных явлений общепланетарного масштаба (в демографической, экологической, энергетической и других сферах) происходит изменение роли национальных государств, ценностных ориентиров общества, культурных традиций и т.д. Чем более глобален мир, тем он менее предсказуем и управляем, а значит и менее устойчив. «Новый мировой беспорядок», прозванный глобализацией, имеет, однако, один подлинно революционный эффект: обесценение порядка как такового. В глобализирующемся мире порядок становится индикатором беспомощности и подчиненности¹.

Основатель теории «общества риска» У. Бек, убежден, что общество со всеми его системами — экономической, политической, семейной, культурной — в современном мире уже нельзя воспринимать как нечто «автономное», независимое от природы. Экологические проблемы — это не проблемы окружающей среды, а в своем генезисе и последствиях целиком общественные проблемы, проблемы человека, его истории, условий его жизни, его отношения к миру и реальной действительности, его экономических, культурных и политических воззрений. Индустриально преобразованную «внутреннюю природу» цивилизованного мира следует

воспринимать не как окружающую среду, а как внутреннюю среду, относительно которой наши возможности дистанцирования и разграничения проявляют свою несостоятельность. На исходе XX в. становится ясно, что природа — это общество, а общество — и «природа» тоже. Кто воспринимает сегодня природу вне общества, тот пользуется категориями другого столетия, которые на нашу действительность уже не распространяются².

Г. Бехманн говорит о парадоксальности современного общества, которое повышает одновременно безопасность и ненадежность. Это противоречивое развитие придает понятию риска особое выражение и значение для теории общества³. Ж. Бодрийяр указывает, что развертывание информативности и средств защиты, в каких бы формах оно ни происходило, ведет к тому, что социальное не упрочивается, а, наоборот, теряет свою определенность, гибнет⁴.

В обществе информационного типа доминирующая роль принадлежит профессионалам, специальные теоретические знания приобретают принципиально новое значение. Доминантами

¹ Бауман З. Как мы живем // Бауман З. Индивидуализированное общество. Часть первая. Гл. 2 / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. С. 50.

² Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 99.

³ Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М.: Логос, 2011. С. 75.

⁴ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. С. 31.

общественного развития становятся знания и технологии, определяющие основу социально-экономической жизни. В постиндустриальном обществе преобладает информационный сектор экономики, к которому отнесены все занятые в производстве, обработке и распространению информации, а также те, кто создает и поддерживает функционирование информационной инфраструктуры. Информация и знания, а не капитал и труд становятся основными переменными, формирующими постиндустриальное общество. Информация управляет поведением производителей и потребителей.

Обозначив «взрывным» развитие «современных цивилизаций» под знаком универсализации рынка, экономических и философских ценностей, под флагом универсальности закона и такой же универсальности стратегии завоевания Ж. Бодрийяр предупреждает о немислимых темпах его осуществления, при котором контроль за ним становится невозможным: «Этот взрывной процесс достиг предельной скорости и предельного размаха и начал выходить за рамки сферы универсального ему уже тесно в той области, которая является областью экспансии»⁵. Мы находимся в мире, в котором становится все больше и больше информации и все меньше и меньше смысла. Информация пожирает свой собственный контент. Она пожирает коммуникацию и социальное⁶.

Глобализация, по мнению У. Бека, содержит в себе образец распределения рисков, не совпадающего с ней самой, распределения, в котором таится значительная взрывная политическая сила. Риски раньше или позже настигают и тех, кто их производит или извлекает из них выгоду (эффект бумеранга). Агенты модернизации сами основательно и очень конкретно попадают в водоворот опасностей, которые они же породили и из которых извлекали выгоду. Это происходит в самых разных формах⁷.

В.Г. Горохов, говоря о кризисе современного научно-технического развития, отмечает, что «общество все еще упорно руководствуется устрем-

лениями к ускоряющемуся саморазвитию на пути к достижению всеобщего блага средствами науки и техники»⁸. Именно разочарование в прогрессе обусловило необходимость критического переосмысления рациональности. Выход из описанной критической ситуации, по мнению В.А. Лекторского, связан не с отказом от идеи рациональности, а с ее переосмыслением, с разработкой представления о ее культурно-исторических обусловленных типах и формах, с поисками таких ее форм, которые не были бы односторонне технологическими и узкоциентистскими⁹. Еще в конце XX столетия, когда человечество оказалось перед проблемой выбора новых стратегий выживания, многие идеи, разработанные в традиционных восточных учениях, согласуются с возникающими в недрах современной техногенной культуры новыми ценностями и мировоззренческими смыслами, которые формируются в разных сферах этой культуры, включая научное познание. Развитие современной научной картины мира обосновывает в качестве своих мировоззренческих следствий новые способы понимания мира, которые перекликаются с забытыми достижениями традиционных культур.

В современном обществе происходит накопление и усиление роли символического капитала. Конкурентоспособность и экономическая эффективность определяются в большей степени нематериальными активами (технологиями, человеческим капиталом, брэндами), чем материальными (материальные запасы, оборудование, природные ресурсы и т.п.) Важной характеристикой является также скорость происходящих изменений (производство, накопление знаний, а также их обесценивание)¹⁰.

Структуры современных социальных коммуникаций выявляют ценность и определяют статус знания, которое начинает выполнять для современного общества конституирующую роль, определяя вектор развития.

Целостность системы (общества), предполагает наличие в ней особого блока управления,

⁵ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000. С. 69.

⁶ Бодрийяр Ж-Ж. Симулякры и симуляция. Режим доступа – http://lit.lib.ru/k/kachalow_a/simulacres_et_simulation.shtml - 08.06.2011.

⁷ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 43.

⁸ Горохов В.Г. Вводная статья // Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М.: Логос, 2011. С. 7.

⁹ Лекторский В. Предисловие // Рациональность на перепутье. Кн. 1. М., 1999. С. 14.

¹⁰ Дэвид П.А., Форэ Д. Экономические основы общества знания // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2003. Т. 1. № 1. С. 32.

прямые и обратные связи между ним и подсистемами. Большие системы гомеостатичны. В них обязательно имеется программа функционирования, которая определяет управляющие команды и корректирует поведение системы на основе обратных связей. Категории части и целого применительно к сложным саморегулирующимся системам обретают новые характеристики. Целое уже не исчерпывается свойствами частей, возникает системное качество целого. Часть внутри целого и вне его обладает разными свойствами. Так, органы и отдельные клетки в многоклеточных организмах специализируются и в этом качестве существуют только в рамках целого. Возникают новые смыслы в пространственно-временных описаниях больших, саморегулирующихся систем. Сложные саморазвивающиеся системы характеризуются открытостью, обменом веществом, энергией и информацией с внешней средой. В таких системах формируются особые информационные структуры, фиксирующие важные для целостности системы особенности ее взаимодействия со средой. Эти структуры выступают в функции программ поведения системы. Сложные саморазвивающиеся системы требуют для своего освоения особой категориальной сетки. Категории части и целого включают в свое содержание новые смыслы.

При формировании новых уровней организации происходит перестройка прежней целостности, появление новых параметров порядка. Иначе говоря, необходимо, но недостаточно зафиксировать наличие системного качества целого, а следует дополнить это понимание идеей изменения видов системной целостности по мере развития системы. Уже в сложных саморегулирующихся системах появляется новое понимание вещи и процессов взаимодействия. Система предстает как саморегулируемый процесс.

Наибольшую значимость среди структуральных свойств социальных систем имеют структуральные принципы, поскольку именно они определяют типы обществ. Одно из основных положений структурной теории гласит, что степень закрытости социетальных общностей — и социальных систем в целом — весьма изменчива, что социальные системы, как воспроизводимые социальные практики, обладают не «структурами», но «структуральными свойствами», а структура, как образец социальных отношений, существующий в определенное время и в определенном пространстве, проявляется посредством подобных

практик и как память фиксирует направление поведения компетентных субъектов деятельности. Это не мешает нам представлять структуральные свойства в виде иерархически организованной в пространстве и во времени протяженности практик, которые они рекурсивно формируют. Глубоко укоренившиеся структуральные свойства, участвующие в воспроизводстве социетальных общностей, называются структурными принципами. Социальные институты выступают практиками, обладающими наибольшей пространственно-временной протяженностью в рамках тех или иных общностей.

Еще Т. Парсонс определил общество как тип социальной системы, который обладает наивысшей степенью самодостаточности относительно своей среды, включающей и другие социальные системы: «Полная самодостаточность, однако, была бы несовместима со статусом общества как подсистемы системы действия. Любое общество для сохранения себя в качестве системы зависит от того, что оно получает в порядке взаимодействия с окружающими системами»¹¹. И, значит, самодостаточность в отношении среды означает стабильность отношений взаимодействия и способность контролировать взаимодействие в интересах своего функционирования. Интеграция в общество его членов подразумевает наличие зоны взаимопроникновения между социальной и личностной системами. Однако отношение здесь в основном трехстороннее, поскольку части культурной системы, так же как и части социальной структуры, интернализированы в личностях, но в то же время части культурной системы институционализированы в обществе.

Возможно, самой общей функцией социетального сообщества является сочленение системы норм с коллективной организацией, обладающей единством и внутренней логикой. Полная самостоятельность не является абсолютно необходимым предварительным условием определения социальной системы как общества. Для того чтобы быть обществом, социальная система должна обладать своим собственным внутренним «центром тяжести», то есть она должна иметь свою собственную систему власти в рамках своих собственных границ. Кроме того, она должна иметь свою собственную культуру. Какую-то часть своей культуры она по необходимости разделяет

¹¹ Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 20-22.

с другими обществами, от которых происходит и с которыми поддерживает отношения. Другая же часть этой культуры самобытна и принадлежит только ей. Эта культура составляется из убеждений, касающихся истории и характера данного общества, его связи с определенными идеальными или трансцендентными ценностями, его происхождения и предназначения. Сюда же входят убеждения о правомерности его существования как общества и о качествах, дающих членам общества право принадлежать к нему. Разумеется, культура включает в себя произведения искусства, литературы и отвлеченной мысли, многие из которых посвящены упомянутым убеждениям. Общества имеют тенденцию быть «национальными».

Современные «национальные» общества — общества, претендующие на то, что они служат воплощением национального единства, и обладающие своими собственными национальными культурами, своими собственными, скорее независимыми, чем зависимыми, экономическими системами, своими собственными системами правления, своим собственным генетическим самовоспроизводством и своим собственным суверенитетом над территориями, обозначенной границами, — представляют собой наиболее самостоятельные из всех социальных систем, известных нам из истории человечества, самые независимые общества своих эпох. По Валлерстайну, общество является одной частью противоречивого тандема, в котором другая сторона — государство. Человеческие существа организованы в целостности, которые мы можем назвать обществами и которые конституируют фундаментальные социальные конструкции, внутри которых существует человеческая жизнь. Французская Революция была культурным водоразделом в идеологической истории миро-системы нового времени, в которой она привела к широкому распространению идеи, что социальное изменение, а не социальный застой является нормальным, как в нормативном, так и в статистическом смысле слова. В связи с этим была поставлена интеллектуальная проблема, как регулировать, ускорять, убыстрять или иначе влиять на этот нормальный процесс изменения и эволюции.

Современная культура явно более информативна, чем любая предшествующая. Мы существуем в медианасыщенной среде, что означает: жизнь существенно символизируется, она проходит в процессах обмена и получения — или попытках

обмена и отказа от получения — сообщений о нас самих и о других¹².

Новая структура глобальной власти действует, противопоставляя мобильность и неподвижность, случайность и рутину, исключительность или массовый характер принуждения. Функции современного государства существенно изменились. Социальное государство в тех странах, сохраняя ответственность перед обществом, различными социальными слоями, перестраивает сферы своей деятельности в сферу экологии, в образование, в средства массовой коммуникации, в культуру, в другие сферы. Но свою социальную ответственность перед обществом оно сохраняет.

Поддержанию глобальной экономической стабильности, по мнению Дж. Стиглица, должны способствовать международные финансовые институты, такие как МВФ. Объединенным Нациям отводится роль в решении глобальной политической безопасности. Бесспорно, что для решения проблем глобального управления необходимы коллективные действия¹³. Одним из условий успешного функционирования институтов глобально управления является право граждан на информированность, то есть прозрачность и открытость данных структур обществу.

Любое общество для сохранения себя в качестве системы зависит от того, что оно получает в порядке взаимообмена с окружающими системами. И, значит, самодостаточность в отношении среды означает стабильность отношений взаимообмена и способность контролировать взаимообмен в интересах своего функционирования¹⁴.

Э. Гидденс исходя из того, что «общества» представляют собой социальные системы, «выделяющиеся» на фоне ряда других системных отношений, в которые они включены, обуславливает их особое положение четко выраженными структуральными принципами, используемыми в процессе всеобъемлющей «кластеризации институтов» во времени и пространстве. Такого рода кластеризация или группировка является первой и наиболее существенной характеристикой общества, однако есть и другие. К ним относятся:

¹² Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 28.

¹³ Стиглиц Дж.Ю. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003. С. 256.

¹⁴ Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 20.

- связь между социальной системой и определенной (конкретной) локальностью или территорией. Локальности, занятые обществами, не обязательно представляют собой фиксированные в своем постоянстве «стационарные» области. Кочевые общества странствуют по изменчивым пространственно-временным путям;
- наличие нормативных элементов, определяющих законность пользования локальностью. Тональности и стили притязаний на соответствие законам и принципам существенно различаются и могут быть оспорены в той или иной степени;
- ощущение членами общества особой идентичности, независимо от того, как оно выражается или проявляется. Подобные чувства обнаруживаются на уровне практического и дискурсивного сознания и не предполагают «единодушия во взглядах» («консенсуса ценностей»). Индивиды могут осознавать свою принадлежность к определенной общности, не будучи уверенными, что это правильно и справедливо¹⁵.

В качестве другого не менее важного аспекта информационного общества, требующего философской рефлексии, является анализ принципиальных изменений коммуникативного опыта человека, становления новых форм коммуникации. Ведущие современные философы, занятые этой проблематикой (М. Кастельс, Н. Луман, Ю. Хабермас), склонны сделать следующий вывод: не информация, а коммуникация оказывается «смыслообразующим стержнем» информационного общества. Наиболее показательным объектом для теоретического и прикладного анализа представляется Интернет-коммуникация, прежде всего, в силу темпов своего развития и глобального характера.

В более широком философском смысле социальная коммуникация, в том числе межличностное взаимодействие, стали проблемным полем философии в XX в. Коммуникация рассматривается как социальный процесс, связанный с общением, обменом мыслями, сведениями, идеями, с передачей содержания от одного сознания к другому посредством знаковых систем. Философский аспект общения связан с онтологией

коммуникаций, гносеологическими основаниями взаимодействия, аксиологией коммуникативных отношений, социально-философским анализом роли и значения коммуникации в сообществе людей.

Примыкающим к концепции информационного общества французской социологической школы является понятие информационализма М. Кастельса. Он исследует возникновение новой социальной структуры, представленной на планете в различных формах, в зависимости от разнообразия культур и институтов. Эта социальная структура ассоциируется с возникновением нового способа развития — информационализма. Современному обществу он дает название «информациональное» (informational society), дифференцируя его с «информационным» (information society). Термин «информациональное» указывает на атрибут специфической формы социальной организации, в которой благодаря новым технологическим условиям, генерирования, обработкой и передачей информации стали фундаментальными источниками производительности и власти. В информациональном способе развития источник производительности заключается в технологии генерирования знаний, обработке информации и символической коммуникации.

Взаимообусловленность культуры и развития выражена в социокультурной динамике как неотъемлемой составляющей пространственно-временной парадигмы трансформации современного мира.

Речь идет не только о масштабных трансграничных процессах, определяющих направление эволюции, но и о системе универсальных характеристик реальности, о рамках анализа перемен. Быть может, точнее всего рассматривать глобализацию как координатную сетку, своего рода матрицу становления нового миропорядка. Временные и пространственные оси этой координатной сетки находятся в отношениях взаимозависимости («ускорение» времени — расширение пространства, сокращение и виртуализация расстояний). Результирующая этих отношений — разрушение устойчивой модели временных и пространственных связей, единства времени и места, свойственного эпохе «модерна». Согласно емкому определению З. Баумана, пространственно-временная динамика процессов глобализации в их социальном измерении выглядит следующим образом: «Те, кто может себе это позволить, живут исключительно во времени.

¹⁵ Гидденс Э. Общества и социальные системы // Устроение общества: очерк теории структуризации / Пер. с англ. И. Тюриной. М., 2003. Гл. IV. С. 241-242.

Те, кто не может, обитают в пространстве. Для первых пространство не имеет значения. При этом вторые изо всех сил борются за то, чтобы сделать его значимым»¹⁶.

В современном мире функции трансформации творческого опыта в общедоступный культурный продукт постепенно переходят к соответствующим технологиям. Символы социокультурной идентичности теперь формируются либо за пределами классического культурного наследия, либо путем перерождения узнаваемых культурных образов в продукт массового потребления. Так возникают гибридные культурные формы, образующие видимое пространство «глобальной культуры». Литература и другие виды традиционной культурной коммуникации оттесняются на обочину коммуникационного поля.

В центре стремительно меняющейся социокультурной реальности оказывается идентичность. Именно идентичность соединяет между собой звенья триады «личность — общество — культура». Вместе с тем, рассматривая становление идентичности как определяющий вектор социокультурной динамики, следует скорее говорить о непрерывном процессе самоидентификации, в ходе которого социальный актор узнает себя, конструирует и меняет жизненные смыслы, приспособлявая их к внешнему миру¹⁷. Направления поисков идентичности — «единство в многообразии» и противопоставление групповых ценностей остальному миру — выражаются в конфликте между мультикультурализмом и этнонационализмом. Оба этих подхода могут определять культурную идентичность коллективных субъектов социального действия.

Долгое время было принято считать, что традиционалистские ценности противостоят ориентациям на модернизацию. Однако социокультурная динамика глобализирующегося мира снимает остроту этого противостояния: первичная идентичность приобретает качественно иные характеристики. Переосмысливаются и приспособляются к новой реальности традиционные установки. В частности, это относится к религиозным ценностям, возрождение интереса к которым отражает потребность человека в устойчивых этических и нравственных ориентирах. Религиозные ценности могут способствовать социальной интеграции в модернизирующихся обществах, расколотых в том

числе и по степени включенности в информационное пространство.

В основе развития всего общества лежит кумулирующая традиция, которая строится на таких функциях, как отвлеченное мышление и словесный язык, доставивших человеку способность образовывать свободные символы и тем самым небывалую до того возможность распространять и передавать индивидуально приобретенное знание.

Эволюция общества, по Н. Луману, означает эволюцию аутопойетических систем коммуникации. Условием же такой эволюции является наличие «осетевленных» событий (массивов знания для науки, массивов денежных платежей для экономики, массивов споров и их разрешений для правовой системы, массивов эндогамно-выделяющихся, претендующих на власть семей). Таким образом, если рассматривать социальную эволюцию в контексте общей теории эволюции и сравнивать ее с эволюцией живых систем, то коммуникации в каком-то смысле выступают аналогом генетических кодов. По мнению Лумана, об эволюции социальной системы общества можно говорить лишь в том случае, если рассматривать не живую, а коммуникативную систему, которая в каждой своей операции воспроизводит смысл, предполагает знание, черпает из собственной памяти, использует формы культуры. Н. Луман выделил три различных уровня анализа общества:

- всеобщую теорию систем, а в ней — всеобщую теорию ауто-пойетических систем;
- теорию социальных систем;
- теорию системы общества как особого случая социальных систем¹⁸.

Согласно Луману, общество (мировое общество) — это совокупность всех потенциально возможных коммуникаций, в том числе и отклоняющихся, и не реализовавшихся, а только ждущих своего часа биологических организмов, фенотипов. Коммуникация — это самая малая из возможных единиц социальной системы. Для ауто-пойезиса общества и его структурных образований существенной предпосылкой является то, что коммуникация не содержит в себе как чего-то само собой разумеющегося своей собственной приемлемости; а также то, что вопрос об этом ее признании еще должен

¹⁶ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 51.

¹⁷ Там же. С. 176-192.

¹⁸ Луман Н. Общество как социальная система / Пер. с нем. А. Антоновского. М., 2004. Гл. V. С. 83-84.

решаться только благодаря дальнейшей, независимой коммуникации¹⁹.

Общество, следовательно, понимается, прежде всего, как система, а форма системы, как уже говорилось, представляет собой всего лишь различие системы и окружающего мира. Но это не означает, что общей теории систем будет достаточно для того, чтобы в ходе логической процедуры суметь раскрыть то, что нам представляется обществом. Помимо нее должны получить определение и особенности социальных систем, а затем — внутри теории социальных систем — следует выявить то, что составляет особенность системы общества, а значит, те следствия, которые влечет за собой обозначение нами общества как всеохватывающей социальной системы.

Консервативность в сохранении однажды испытанного принадлежит к числу жизненно необходимых свойств аппарата традиции, осуществляющего в развитии культуры ту же функцию, какую геном выполняет в изменении видов. Сохранение не просто так же важно, но гораздо важнее нового приобретения, и нельзя упускать из виду, что без специально направленных на это исследований мы вообще не в состоянии понять, какие из обычаев и нравов, переданных нам нашей культурной традицией, представляют собой ненужные, устаревшие предрассудки и какие — неотъемлемое достояние культуры. Традиция — в основе культурного кода общества.

Стремительный рост потребностей вовсе не означает соотносимую степень их удовлетворения, равно как и расширение доступа к достижениям культуры не ведет напрямую ни к увеличению их востребованности, ни к заметному прорыву в качестве образования. Речь идет о «десакрализации» культуры. В результате уменьшается значимость общегуманитарного знания. Оно утрачивает функции фактора, структурирующего пространство коммуникации, уступая их носителям информации. Экспансия кино, телевидения, Интернета повышает роль визуальности, зрительного восприятия культурных образцов, способствует подмене последних знаками и символами. Если в предшествующую эпоху границы локального сообщества обуславливались возможностями и скоростью передвижения, что, в свою очередь, определялось имеющимися средствами транспорта и связи,

что делало пространство значимым, то сегодня его значение утрачивается²⁰.

Пространство диалога и компромисса между различными участниками глобализационных процессов имеет вполне определенные пределы, которые заданы столкновением групповых интересов национальных, государственных, религиозных, этнических, экономических акторов. Из этого пространства выпадают участники сетевых взаимодействий, играющие по внесистемным правилам. Их спектр широк — от террористических групп до хакеров. Но и сами группы, творящие «сетевой мир» и включенные в глобальные коммуникационно-информационные сети, продолжают жить в основном в привычном для человеческого сознания измерении и соотносят свои интересы с локальной системой социальных связей.

Моделям «открытого общества» противостоит разнообразный по формам культурный локализм. Совершенствование глобальных коммуникационных сетей увеличивает возможности направленного информационного воздействия и манипулирования сознанием. Обратной стороной появления сетевого мира оказываются социальная аномия и маргинализация как внутри развитых стран, так и на уровне миропорядка, складывание устойчивой периферии информационного общества.

Социальный механизм организации рассматривается как ее «ядро» и складывается не из двух, как в кибернетической модели, а из трех частей: объекта управления, механизма текущего управления и механизма выживания и развития. Объект управления составляют исполнители (социальные субъекты и физические лица). Механизм текущего управления осуществляет непосредственное управление объектом, выполняя решения механизма выживания и развития. И наконец, последний механизм является главным, ведущим механизмом, осуществляет выявление проблем организации и принятие управленческих решений.

А. Печчеи, называя современного человека *Homo ecomoticus*, писал, что настоящие источники кризиса лежат внутри, а не вне человеческого существования и решение проблем должно исходить прежде всего из изменения самого человека,

¹⁹ Луман Н. Общество как социальная система. М., 2004. Гл. V. С. 86-87.

²⁰ Бауман З. Как мы живем // Бауман З. Индивидуализированное общество. Часть первая. Гл. 2 / Пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2002. С. 50.

его внутренней сущности, человеческих качеств, хотя французский философ М. Фуко, размышляя о преходящем характере человека, указывал на тщетность попыток заставить его рефлексировать, устанавливая истинный смысл своего существования²¹.

В разрыве между настоящим и прошлым технология является одной из главных сил, определяющих характер социального времени; принося с собой новую систему оценок и расширяя контроль человека над природой, она трансформирует наши социальные отношения и все наше мировоззрение²². Новое общество возникает, когда наблюдается структурная реорганизация в производственных отношениях, отношениях власти и отношениях опыта. Эти преобразования приводят к одинаково значительным модификациям общественных форм пространства и времени и к возникновению новой культуры²³. Характерным для социальных движений и культурных проектов, построенных на идентичностях в информационную эпоху, является то, что они возникают не в институтах гражданского общества. Они изначально вводят альтернативную социальную логику, отличную от принципов функциональности, на которых построены доминирующие институты общества.

Сетевая форма социальной организации существовала и в иное время, и в иных местах, однако парадигма новой информационной технологии обеспечивает материальную основу для всестороннего проникновения такой формы в структуру общества. Более того, подобная сетевая логика влечет за собой появление социальной детерминанты более высокого уровня, нежели конкретные интересы, находящие свое выражение путем формирования подобных сетей: власть структуры оказывается сильнее структуры власти. Принадлежность к той или иной сети или отсутствие таковой наряду с динамикой одних

сетей по отношению к другим выступают в качестве важнейших источников власти и перемен в нашем обществе; таким образом, мы вправе охарактеризовать его как общество сетевых структур, характерным признаком которого является доминирование социальной морфологии над социальным действием²⁴.

Сети представляют собой открытые структуры, которые могут неограниченно расширяться путем включения новых узлов, если те способны к коммуникации в рамках данной сети, то есть используют аналогичные коммуникационные коды (например, ценности или производственные задачи). Социальная структура, имеющая сетевую основу, характеризуется высокой динамичностью и открыта для инноваций, не рискуя при этом потерять свою сбалансированность. Сети оказываются институтами, способствующими развитию целого ряда областей: капиталистической экономики, основывающейся на инновациях, глобализации и децентрализованной концентрации; сферы труда с ее работниками и фирмами, основывающейся на гибкости и адаптируемости, сферы культуры, характеризуемой постоянным расчленением и воссоединением различных элементов; сферы политики, ориентированной на мгновенное усвоение новых ценностей и общественных умонастроений; социальной организации, преследующей своей задачей завоевание пространства и уничтожение времени. Сближение социальной эволюции с информационными технологиями позволило создать новую материальную основу для осуществления таких видов деятельности, которые пронизывают всю общественную структуру. Эта материальная основа, на которой строятся все сети, выступает в качестве неотъемлемого атрибута доминирующих социальных процессов, определяя тем самым и саму социальную структуру²⁵.

Человеческие общества или социальные системы не могут существовать вне деятельности индивидов. Однако субъекты деятельности не создают социальные системы: они воспроизводят или преобразуют их, перерабатывая то, что последовательно и непрерывно воплощалось на

²¹ Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 438.

²² Белл Д. Параметры знаний и технологии: новая классовая структура постиндустриального общества // Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. Гл. 3. М., 1999. С. 253-254.

²³ Кастельс М. Заключение // Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, обществом культура / Пер. с англ. А.Н. Сувачева. М., 2000. С. 496.

²⁴ Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 494.

²⁵ Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 503.

практике. Существенная роль здесь отводится масштабу пространственно-временной протяженности. Общая (хотя и не универсальная) тенденция такова: чем масштабнее пространственно-временная протяженность социальных систем (значительнее число социальных институтов, «укорененных» в пространстве и времени), тем больше их устойчивость к изменениям и разного рода манипуляциям со стороны субъектов индивидуальной деятельности. Подобная интерпретация принуждений также связывает их с потенциальными возможностями. Пространственно-временная протяженность блокирует одни возможности человеческого опыта, одновременно делая доступными другие²⁶. Отношение к своим членам как к индивидуальностям является торговой маркой современного общества. Такое отношение не возникло, однако, в единичном спонтанном акте, подобном божественному творению мира; оно представляет собой ежедневно воспроизводимую деятельность. В своей деятельности по «индивидуализации» современное общество существует в той же мере, в какой действия индивидов состоят из повседневного пересмотра и обновления сети их взаимных зависимостей, называемой обществом. Ни один из партнеров не может долго стоять на месте. Тем самым смысл индивидуализации постоянно меняется, принимая все новые очертания, как и материализованные результаты его оставшейся в прошлом истории устанавливают все новые и новые правила и делают все новые ставки в игре. «Индивидуализация» означает сегодня нечто весьма отличное от того, что понималось под этим словом сто лет назад или чем представлялась она в ранние периоды Нового времени — в эпоху восторженного «освобождения» человека от плотно сплетенной сети всепроникающих зависимостей, слежки и принуждения²⁷.

Сложные сети человеческих взаимодействий, взаимозависимостей с властью как основной связью, представляют собой «фигурации» или «образы», которые формируют напряженное равновесие, неустойчивый баланс сил. И все-таки есть однозначные признаки того, что идентификация людей выходит за рамки государственных границ

и наступает время групповой Мы-идентичности на общечеловеческом уровне. Об этом свидетельствует и то значение, которое постепенно приобретает понятие прав человека²⁸.

Эволюционистская концепция общества подчиняла еще общественную жизнь некоему внешнему принципу единства, смыслу Истории. «Хорошее общество» не было чисто гражданским, оно представляло еще смесь общественной интеграции и исторического прогресса. Оно не разделяло между собой государства, главного агента исторических трансформаций, и гражданского общества, то есть систему общественных отношений. Вследствие этого в центр анализа были поставлены не столько ценности модернизации, сколько деятельность государства, взятого в качестве агента метасоциального принципа, а именно смысла истории²⁹.

Недовольство глобализацией проистекает не только из того, что экономика ставится превыше всего, но и из того, что личные взгляды некоторых ученых-экономистов — рыночный фундаментализм — ставятся выше других концепций. Российский философ А.С. Панарин видел угрозу глобального открытого общества в беспрепятственном естественном рыночном отборе, при котором не народы сами по себе, а безликий механизм рынка определяет, кому хозяйничать на тех или иных территориях, кто обладает правом иметь собственную обрабатывающую и сопутствующую ей интеллектуально-образовательную инфраструктуру, а кто не имеет и должен понизить качество своего человеческого фактора до роли мирового обслуги или даже вообще сузить объем человеческой массы, ибо рынок ее не терпит³⁰. Таким образом, неприспособленные к новым видам конкуренции народы обречены.

Оппозиция глобализации во многих регионах мира — это не оппозиция глобализации как таковой: новым источникам финансовых средств для обеспечения экономического роста или новым экспортным рынкам, — но оппозиция определенному пакету доктрин, политике Вашингтонского консенсуса, навязанного миру международными финансовыми институтами.

²⁸ Элиас Н. Общество индивидов / Пер. с нем. М., 2001. Часть 1: С. 86-87, 96-99; Часть III: С. 323.

²⁹ Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / Пер. с фр. М., 1998. Часть 1. С. 56.

³⁰ Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М., 1999. С. 54.

²⁶ Гидденс Э. Общества и социальные системы // Устроение общества: очерк теории структуризации. М., 2003. Гл. IV. С. 249-250.

²⁷ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. Гл. 3. С. 57.

Большая часть остального мира лишена права делать свой собственный выбор и даже вынуждена выбирать то, что отвергли бы страны, подобные Соединенным Штатам³¹.

Ответом на вызовы рационалистической глобализации стала актуализация этнического в современном мире. Наделенная природой уникальными способностями и историей — неразгаданными возможностями, этничность, переживая этапы становления общества, по-прежнему остается его неотъемлемой характеристикой. Этническое многообразие сегодня является одним из основных полей пересечения региональных и глобальных интересов. Распад государственных систем, образование новых, процессы интеграции и дезинтеграции в мире, попытки урегулирования отношений между народами демократическим путем, изменяющие картину мира, сделали востребованными теоретическое осмысление этнического и опыт управления полиэтничностью в рамках отдельных областей, национальных государств и глобального мира. Множество локальных культур в современном мире стремится к возрождению своих традиций, подчеркивая этим свою уникальность и самобытность в противовес глобализации как нивелирующему и унифицирующему процессу. В обществе наблюдается противоречие: чем больше универсализации, тем более востребованной оказывается всевозможная этническая специфика.

Глобализация в области культуры имеет ярко выраженную тенденцию к унификации локальных сообществ, что проявляется в распространении общих ценностей, норм, стандартов, идеалов, отчасти имеющих универсальный характер. Тем не менее, на фоне процесса смешения культур, «локальное» в современном мире не теряет своей значимости. В связи с этим формирование новых идентичностей в мультикультурном мире в противоречивую эпоху нарастания процесса смешения народов и культур, с одной стороны, и стремлений сохранить этническую и культурную идентичность — с другой, остается одним из самых значимых социально-психологических процессов. Как отмечает С. Хантингтон, «кризис национальной идентичности наблюдается повсеместно, то есть носит глобальный характер»³².

Английский социолог Э. Гидденс прогнозирует возможность формирования плюралистической идентичности — идентичности, строящейся по принципу «единство в многообразии», при котором «местные» культурные формы частично инкорпорируются в глобальное пространство. В этой связи можно говорить о «колонизации наоборот»³³, что означает влияние стран, не относящихся к Западу, на развитие событий в западных странах, например, латиноамериканизация Лос-Анджелеса, возникновение глобально ориентированного высокотехнологичного сектора в Индии или продажа бразильских телепрограмм в Португалию.

Российские ученые, среди которых В.Г. Федотова, В.А. Колпаков и др., утверждают, что кризис идентичности усугубляется глобализацией, где многообразные связи разрывают национальный и культурный контексты, невозполнимые для большинства глобальным самоопределением³⁴.

Несомненно, в условиях современного развития мира, где этносоциальные группы имеют возможность более мобильного передвижения, единство территории становится спорным в определении этнонациональных феноменов. Несмотря на всеобщее признание высшим типом социально-этнической общности — нации, о чем свидетельствуют устремления консолидирующихся этносов к образованию национальных государств, в мире продолжается нарастание общецивилизационных тенденций: субъекты самобытных национальных общностей создают и осваивают культурные ценности, особенно в сфере науки и техники, организации производства, управления, искусства, не имеющих ни национального содержания, ни формы.

Рост интереса к неевропейским культурным феноменам в современном мире происходит в ответ на американско-европейскую культурную экспансию. На фоне всевозможных «модернизационных проектов» происходит движение в направлении традиционных, базовых ценностей народов, выражаемое в определенных

³¹ Стиглиц Дж.Ю. Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003. С. 256.

³² Хантингтон С. Кто мы?: вызовы амер. нац. идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. С. 36.

³³ Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. М.Л. Коробочкина. М.: Весь мир, 2004. С. 33.

³⁴ Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации: социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М.: Культурная революция, 2008. С. 398.

интересах — определенной конкретной этнонациональной группы, культурной общности, которые и являются движущей силой поведения личности, национальности, нации, общества или государства.

В этой связи появляется термин «глокализация», характеризующий всю совокупность изменений процесса глобализации, вызванных региональной спецификой. Глокализацию можно рассматривать в качестве специфического регионального сценария глобализации, когда глобальные и локальные тенденции взаимодополняют и взаимопроникают друг в друга, хотя в конкретных ситуациях могут прийти в столкновение. Английский социолог Р. Робертсон выявляет в процессе глобализации две направленности: «глобальная институционализация жизненного мира и локализация глобальности»³⁵, что отражает тенденцию становления глобального не «сверху», а «снизу», то есть через включение в повседневную жизнь элементов инонациональных, «экзотических» локальных культур.

Мир, становясь мультикультурным и все более подвижным (о чем свидетельствуют данные по современной миграции), пребывает в состоянии неустойчивости. Несмотря на масштабы роста влияния современной цивилизации, направленные на разрушение этнического, происходит взаимосвязанный процесс воздействия локальных форм культур на глобальные тенденции, получивший название «глокализация», означающий региональную специфику глобального. Массовая коммуникация, охватившая весь мир новейшими средствами передачи информации, в равной степени способствует как универсализации в виде пропаганды либеральных ценностей американской модели развития, так и локализации: сохранению и передаче культурного наследия этносоциальных обществ, которые во всем своем многообразии пребывают во взаимодействии в современной цивилизации.

Масштабная глобализация XXI в., будучи порождением капиталистической системы, затронула этносоциальную структуру абсолютно всех стран мира, вне зависимости от конкретного региона их расположения. Последствия этого процесса ощутили на себе все государства без исключения. Европейские национальные госу-

дарства в результате вызванных глобализацией миграционных потоков, стали превращаться в многоэтнические и мультикультурные неустойчивые образования.

Именно в социокультурной сфере концентрируются и передаются следующим поколениям традиционные принципы жизнедеятельности общества как необходимого условия выживания человечества. Вызовы глобализации социокультурной идентичности на планетарном уровне может принять только государство, которое способно, призвано развивать этнокультурные системы как на региональном уровне, так и на уровне участия в международных организациях. Именно государство выступило как могучий рычаг национальной централизации населения и территории; были созданы «первые условия национального существования: значительная численность и сплошная территория»³⁶. До появления государства институты складывались в обществе стихийно и закреплялись в нем благодаря общественному мнению. Несогласные с ним подвергались санкциям в виде общественного порицания, изгнания из общины, телесного наказания. Специальных институтов власти для этого еще не существовало. Такой путь становления институтов является естественным, поскольку они «вырастают» из самого общества и не требуют власти для их закрепления и удержания. С появлением государства положение серьезно усложнилось, так как государство не ограничилось закреплением естественно сложившихся институтов, а начало создавать и вводить (с помощью законов) свои институты. Создаваемые государством институты требовали насильственного внедрения и закрепления, для чего необходимо стало создание специальных правоохранительных органов (прокуратура, судебная власть). Следует заметить, что многие насильственно внедряемые институты так и не удается закрепить. Обычно такие институты заменяются новыми одновременно со сменой власти.

Точка зрения, связывающая возникновение наций с капиталистическим способом производства, стала в XX в. общепризнанной. Капиталистическое государство предстает как национальное, оно устраняет существовавшее разделение и объединяет все народности с целью

³⁵ Robertson R. Globalization or glocalization?// Robertson R. White K.E. (Ed.) Globalisation. Critical concept in sociology. V. III, London, 2003. 214 p.

³⁶ Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. М.: Издательство политической литературы, 1957. С. 84.

их консолидации. Это обусловлено как экономической необходимостью (создание единого рынка, открытая конкуренция), так и политико-идеологической (установление суверенитета и социальная легитимация), и культурной (официальный язык, общественное образование, средства связи). В XIX и особенно XX вв. роль государства в руководстве экономическими процессами усиливалась и соответственно возрастала его роль в становлении и развитии этих наций³⁷.

Социальное управление определяется как один из основных видов управления, функция которого заключается в обеспечении реализации потребностей развития общества и его подсистем; функция его заключается в формировании критериев и показателей социального развития объекта, выделении возникающих в нем социальных проблем, разработке и применении методов их решения, в достижении планируемых состояний и параметров социальных отношений и процессов. Управление — это особый вид профессиональной деятельности, который не сводится только к достижению целей системы, организации, но и представляет собой средство поддержания целостности любой сложной социальной системы, ее оптимального функционирования и развития. При этом общество рассматривалось как объект управления, а государство как субъект управления. Подобное представление бытует и до сих пор.

Возникнув одновременно с социальной организацией, институт управления уже давно вышел за ее рамки. Проявив себя и показав свою полезность, управление получило общественное признание и стало использоваться для практических целей как самостоятельный институт.

После Всемирной конференции в Рио-де-Жанейро (1992 г.) по вопросам устойчивого развития правительства многих развитых страны мира, в том числе и Россия, поставили своей целью переход на модель устойчивого развития, что должно было означать смену основной парадигмы развития общества. Обеспечение устойчивого развития — основная задача государства. Социальное управление имеет универсальный характер. В последние годы, в связи с нарастанием глобального кризиса, приходит осознание важности управления не только как средства решения

проблем, но и как средства выживания общества, в настоящее время управление используется, с одной стороны, как средство выживания социальных организаций, включая общество, с другой — как универсальное средство решения сложных социальных проблем.

К ним относятся:

- решение сложных социальных проблем;
- управление сложной деятельностью;
- управление социальными процессами.

Для этих направлений характерно то, управление не имеет заранее определенных границ объекта управления.

В основе каждого государства лежит общество. Государства имеют историю и, следовательно, традиции. Прежде всего, если изменение является нормальным, именно государства нормально изменяются или развиваются. Они изменяют свой способ производства; они урбанизируются; они решают социальные проблемы; они процветают или приходят в упадок. Они имеют границы, внутри которых факторы являются «внутренними», а за пределами которых факторы являются «внешними». Действия государства были неотъемлемым элементом этого процесса, причем стремление простых людей решить свои проблемы вполне обоснованно и закономерно вынуждало государство действовать соответственно. Несмотря на беспорядок, смятение и продолжающийся распад, такое положение остается характерным и для наших дней. Государства для всех своих граждан могут сделать жизнь немного лучше (или немного хуже). У них есть выбор между увеличением помощи простым людям и созданием условий для еще большего процветания верхней страты населения³⁸.

Главными факторами, создающими и сохраняющими общество, остаются центральная власть, согласие и территориальная целостность. Центральная власть (государство) формирует общество не просто через посредство осуществляемой ею фактической власти над любыми конкретными действиями в любых конкретных обстоятельствах, хотя подобные акты власти и имеют важное значение, как таковые³⁹.

³⁸ Валлерстайн И. После либерализма: Пер. с англ. / Под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 8-9.

³⁹ Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: перспективы, проблемы, методы / Отв. ред. Г.В. Осипов; пер. с англ. В.В. Воронина и Е.В. Зиньковского. М., 1972. С. 341-348.

³⁷ Руткевич М. О двух концепциях нации // Свободная мысль, 1999. № 11. С. 96.

Утверждая, что политическая власть может контролировать экономическую мощь, К. Поппер подчеркивал: «Мы можем, к примеру, разработать рациональную политическую программу для защиты экономически слабых. Мы можем создать законы, ограничивающие эксплуатацию. Политическая власть является ключом к экономической защите. Политическая власть и присутствие ей способы контроля — это самое главное в жизни общества. Нельзя допускать, чтобы экономическая власть доминировала над политической властью. Если же так происходит, то с экономической властью следует бороться и ставить ее под контроль политической власти»⁴⁰.

Государство есть завершение процесса концентрации различных видов капитала: физического принуждения или средств насилия (армия, полиция), экономического, культурного или, точнее, информационного, символического — концентрации, которая сама по себе делает из государства владельца определенного рода метакapитала, дающего власть над другими видами капитала и над их владельцами. Из этого следует, что формирование государства идет вместе с формированием поля власти, понимаемого как пространство игры, внутри которого владельцы капитала (разных его видов) борются именно за власть над государством, т.е. над государственным капиталом, дающим власть над различными видами капитала и над их воспроизводством (главным образом, через систему образования)⁴¹.

Культура объединяет. Государство участвует в объединении культурного рынка, унифицируя все коды: правовой, языковой, и проводя гомогенизацию форм коммуникации, особенно бюрократической (например, введение бланков, формуляров и т.п.). С помощью систем классификации (по возрасту и полу, в частности), вписанных в право, бюрократические процедуры, образовательные структуры, а также посредством общественных ритуалов, особенно замечательных в Англии или Японии, государство формирует ментальные структуры и навязывает общие принципы видения и деления, т.е. формы мышления, которые в образованном обществе выполняют ту же роль, что и формы примитивной классификации, опи-

санные Дюркгеймом и Моссом по отношению к «первобытному мышлению». Тем самым они принимают участие в построении того, что обычно называют национальной идентичностью (или более традиционным языком — национальным характером)⁴².

Рассуждая о тенденции нарастания нигилизма и цинизма в современном обществе, З. Бауман определил, что она является «разумной реакцией на мир, в котором человек вынужден относиться к будущему как к угрозе, а не как к прибежищу или земле обетованной. Большинство критиков не в состоянии также принять в расчет и то, что этот мир, подобно любому человеческому миру, построен самими людьми; отнюдь не будучи продуктом ни безупречных и неоспоримых естественных законов, ни грешной и неисправимой человеческой природы, он в немалой мере является продуктом того, что можно назвать политической экономией неопределенности»⁴³.

В результате возникает всепроникающее ощущение «утраты контроля над настоящим», что, в свою очередь, ведет к параличу политической воли; к утрате веры в то, что коллективным образом можно достичь чего-либо существенного, а солидарные действия способны внести решительные перемены в состояние человеческих дел. Существующая ситуация все чаще расценивается как должное, как высшая необходимость, в которую люди могут вмешаться лишь во вред себе самим. Говоря об «устойчивом развитии», И. Валлерстайн признает, что подразумевает нечто реальное и прочное, а не статистический мираж. Речь идет о культуре, поскольку не всякое «развитие» благо, а только то, которое как-то поддерживает, возможно, даже насильственно возобновляет определенные местные культурные ценности, которые мы считаем позитивными и чье сохранение является большим плюсом не только для местного населения, но и для мира в целом⁴⁴.

Целостность социальной системы (общества) зависит как от ее гомеостатичности как саморегулирующейся системы, так и от успешного функционирования институтов управления, на-

⁴⁰ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992. С. 147.

⁴¹ Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с франц. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2007. С. 227-228.

⁴² Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2007. С. 227-228.

⁴³ Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. М., 2002. Гл. 3. С. 66.

⁴⁴ Валлерстайн И. После либерализма / Пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 161.

правленных не только на сохранение и воспроизводство социокультурных ценностей общества, но и способных адекватно реагировать на изменения и вызовы времени, на возникновение новых смыслов и структур. Социальные отношения и социокультурная идентичность формируются на уровне культуры, определяющей системы ценностей, представлений, поведенческих кодов и мотиваций, упорядочивающих и регламентирующих поведение индивидов. Социокультурная нестабильность

является результатом процессов глобализации, воплощаемыми в распространении культурных моделей, ценностных ориентиров и предпочтений, символов и знаковых систем, которые подаются как общезначимые в рамках единого мирового информационно-коммуникационного поля. Функции обеспечения эффективного управления и социальной справедливости в обществе в условиях всеобъемлющего глобального рынка, по-прежнему принадлежат государству.

Список литературы:

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
3. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М.: Логос, 2011.
4. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000.
5. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Режим доступа — http://lit.lib.ru/k/kachalow_a/simulacres_et_simulation.shtml - 08.06.2011.
6. Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2007.
7. Валлерстайн И. После либерализма / Пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2003.
8. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. М.Л. Коробочкина. М.: Весь мир, 2004.
9. Гидденс Э. Общества и социальные системы // Устроение общества: очерк теории структуризации / Пер. с англ. И. Тюриной. М., 2003.
10. Горохов В.Г. Вводная статья // Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М.: Логос, 2011.
11. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999.
12. Дэвид П.А., Форэ Д. Экономические основы общества знания // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2003. Т. 1. № 1.
13. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, обществом культура / Пер. с англ. А.Н. Субачева. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
14. Лекторский В. Предисловие // Рациональность на перепутье. Кн. 1. М., 1999.
15. Луман Н. Общество как социальная система / Пер. с нем. А. Антоновского. М., 2004.
16. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
17. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998.
18. Стиглиц Дж.Ю. Глобализация: тревожные тенденции / Пер. с англ. Г.Г. Пирогова. М.: Мысль, 2003.
19. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004.
20. Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации: социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М.: Культурная революция, 2008.
21. Хантингтон С. Кто мы?: вызовы амер. нац. идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ: Транзиткнига, 2004.
22. Robertson R. Globalization or glocalization? // Robertson R. White K.E. (Ed.) Globalisation. Critical concept in sociology. V. III, London, 2003.

References (transliteration):

1. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo / Per. s angl. pod red. V.L. Inozemtseva. M.: Logos, 2002.
2. Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu / Per. s nem. M.: Progress-Traditsiya, 2000.
3. Bekhmann G. Sovremennoe obshchestvo: obshchestvo riska, informatsionnoe obshchestvo, obshchestvo znaniy. M.: Logos, 2011.
4. Bodriyar Zh. V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konets sotsial'nogo. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta, 2000.
5. Bodriyar Zh. Simulyakry i simulyatsiya. Rezhim dostupa — http://lit.lib.ru/k/kachalow_a/simulacres_et_simulation.shtml - 08.06.2011.
6. Burd'e P. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva / Per. s frants.; otv. red. perevoda N.A. Shmatko. M.: Institut eksperimental'noy sotsiologii; SPb: Aletyya, 2007.
7. Vallerstayn I. Posle liberalizma / Per. s angl. M.: Editorial URSS, 2003.
8. Giddens E. Uskol'zayushchiy mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn' / per. s angl. M.L. Korobochkina. M.: Ves' mir, 2004.
9. Giddens E. Obshchestva i sotsial'nye sistemy // Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturatsii / Per. s angl. I. Tyurinoy. M., 2003.
10. Gorokhov V.G. Vvodnaya stat'ya // Bekhmann G. Sovremennoe obshchestvo: obshchestvo riska, informatsionnoe obshchestvo, obshchestvo znaniy. M.: Logos, 2011.
11. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya / Per. s angl.; pod red. V.L. Inozemtseva. M., 1999.
12. Devid P.A., Fore D. Ekonomicheskie osnovy obshchestva znaniya // Ekonomicheskiy vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta. Rostov-n/D.: Izd-vo RGU, 2003. T. 1. № 1.
13. Kastel's M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvom kul'tura / Per. s angl. A.N. Subacheva. M.: GU VShE, 2000.
14. Lektorskiy V. Predislovie // Ratsional'nost' na pereput'e. Kn. 1. M., 1999.
15. Luman N. Obshchestvo kak sotsial'naya sistema / Per. s nem. A. Antonovskogo. M., 2004.
16. Panarin A.S. Global'noe politicheskoe prognozirovanie v usloviyakh strategicheskoy nestabil'nosti. M.: Editorial URSS, 1999.
17. Parsons T. Sistema sovremennykh obshchestv. M.: Aspekt Press, 1998.
18. Stiglits Dzh. Yu. Globalizatsiya: trevozhnye tendentsii / Per. s angl. G.G. Pirogova. M.: Mysl', 2003.
19. Uebster F. Teorii informatsionnogo obshchestva. M.: Aspekt Press, 2004.
20. Fedotova V.G., Kolpakov V.A., Fedotova N.N. Global'nyy kapitalizm: tri velikie transformatsii: sotsial'no-filosofskiy analiz vzaimootnosheniy ekonomiki i obshchestva. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2008.
21. Khantington S. Kto my?: vyzovy amer. nats. Identichnosti / per. s angl. A. Bashkirova. M.: AST: Tranzitkniga, 2004.
22. Robertson R. Globalization or glocalization? // Robertson R. White K.E. (Ed.) Globalisation. Critical concept in sociology. V. III, London, 2003.